

Интересно отметить, что разрыв в июне наметился не только между крестьянством и эс-эрами, но между эс-эрами, с одной стороны, и местными сельскими и волостными исполнительными комитетами—этими опорными эсеровскими пунктами в деревне—с другой.

Комитеты начинают отходить от официальной эсеровской политики, уходить из-под руководства эс-эров. Об этом свидетельствует самый характер комитетских выступлений. В апреле на долю прямых захватов приходилось 18,1 % всего количества комитетских выступлений за данный м-ц, в мае—21,4 %, а в июне—48,8 %. Таким образом мы видим, что во второй период происходит, с одной стороны, наибольший охват крестьянского движения руководством партии эс-эров, которая достигает в этом отношении в этот период самых больших успехов, с другой стороны—развертывание крестьянского движения и проникновение в него большевистской агитации приводит к концу периода (в июне) к столкновению крестьянства с политикой эс-эсеров и вместе с этим с политикой Временного правительства. Насколько большевистская агитация оказывала влияние на развертывание и изменение форм крестьянской борьбы говорит нам следующее донесение комиссара Моршанского у., Тамбовской губ., от 30 июня:

„Крупных событий в уезде и городе за отмеченный период не было: до появления большевиков общественная жизнь протекала спокойно, За последнее же время, вследствие выступления большевиков, в городе и уезде стали учащаться случаи самовольных захватов имущества, а в крестьянстве усиливается нетерпение в разрешении аграрных отношений ¹⁾).

Крестьянское движение переросло рамки эсеровской политики и должно было или их раздвинуть, включив

¹⁾ Копия документа хранится в архивах Междунар. Аграрного Института.